

РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЫМОРОЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРАВОВЫХ НОРМАХ РОССИИ КАК «ФЕОДАЛИЗАЦИЯ» И КАК «НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ»

Современная экономическая история как наука развивается под доминирующим влиянием двух тенденций: во-первых, все более широкого использования экономико-математического моделирования (клиометрика) и, во-вторых, усиленного внимания к вопросам спецификации прав собственности (новая экономическая история). Однако оба эти направления акцентируют внимание скорее на методах сбора и обработки данных. «Большая теория», предлагающая общую модель социально-экономической истории, часто остается при этом на заднем плане. Учебник Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова под рабочим названием «Экономическая история: институциональный подход», который готовится к изданию в издательстве ГУ-ВШЭ в 2007–2008 гг., стремится соединить новые методы анализа первичных данных с новыми моделями «большой теории». Предлагаемый материал из рабочей версии этого учебника показывает, как можно, используя клиометрическое моделирование и анализируя закрепление прав собственности, развивать концепцию отношений власти-собственности в средневековой России.

В составленной во второй половине XII в. Пространной редакции «Русской правды», первого свода правовых норм русской цивилизации, была 85-я статья с несколько «пикантной» формулировкой: «Аще смерд умереть, то задницу князю; аще будуть дщери у него дома, то даяти часть на не; аще будуть за мужем, не даяти части им». Комичное для современного россиянина выражение «задница» обозначало во времена Киевской Руси наследуемое имущество. Что касается содержания термина «смерд», то есть мнение, что в Киевской Руси так называли лично свободных крестьян, владевших обрабатываемой ими землей как аллодом, на праве частной собственности. Следовательно,

введение 85-й статьи означало, что в каждом поколении какая-то часть крестьянских аллодов отходит государству в лице князя, который мог посадить на освободившиеся земли других крестьян, но уже не свободных, а лично зависимых от князя.

Белорусский историк Вячеслав Леонидович Носевич провел исследование, направленное на выяснение того, с какой скоростью могло происходить «окняжение» крестьянских наделов при помощи 85-й статьи «Русской правды»¹. «Если пренебречь сравнительно немногочисленными случаями, когда часть выморочного надела доставалась незамужним дочерям, — пишет В. Носевич, — ответ сводится к чисто математической проблеме — определению вероятности того, что смерд-владелец не оставит после себя сыновей». Для отдельного индивида эта вероятность рассчитывается по формуле биномиального распределения:

$$P(x) = n! P^x (1 - p)^{(k-x)} / (x! (n - x)!),$$

где $P(x)$ — вероятность оставить x потомков ($x = 0, 1 \dots n$); n — максимально возможное число сыновей; k — коэффициент ожидаемого естественного прироста за поколение; p — вероятность выживания одного потомка, равная k/n .

Камнем преткновения стало определение коэффициента k . Ведь для каждой семьи в каждом поколении этот показатель индивидуален, поскольку зависит от наличия в ее распоряжении жизненных ресурсов (в первую очередь земли). Если крестьянская семья испытывает земельный голод, то и k , и n будут ниже; напротив, при обильном количестве земли в крестьянской семье будет много сыновей.

В. Носевич решил, что «наиболее оптимальный способ решения такой задачи — метод компьютерного моделирования. Можно смоделировать условия, в которых семьи будут размножаться в конкретных ячейках-наделах, а количество потомков у каждой из них будет определяться на основе населенности надела с помощью генератора случайных чисел. Для достаточно большого числа семей суммарный итог будет соответствовать усредненной вероятности интересующего нас события».

В модели В. Носевича рассматривалась «история» 900 наделов (от освоения новых земель модель абстрагировалась, равно как и от влияния каких-либо иных внешних факторов). «Каждый

из них мог принадлежать одной или нескольким малым семьям (родители с детьми, в среднем — 5 человек на семью). Ожидаемый коэффициент прироста зависел от количества семей на наделе: если оно было равно 1, прирост был максимальным, если 2 — он снижался вдвое. При 3 семьях на наделе ожидаемый прирост становился нулевым, при 4 и более — отрицательным (количество детей было меньшим, чем количество родителей). Максимальный коэффициент был подобран таким образом, чтобы обеспечить стабильность общей численности моделируемой популяции, и составлял 1,4% за поколение». Когда надел оказывался перенаселенным (2 и более семьи), то за поколение одна семья могла отселиться на соседний участок, если только он был пустым или заселенным единственной семьей. Максимальное количество детей в крестьянской семье (параметр n) В. Носевич принял равным 8.

Прежде чем проигрывать на этой модели последствия введения 85-й статьи, В. Носевич «заселил» все 900 наделов. Затем в компьютерной модели на протяжении 10 поколений обитатели наделов свободно размножались и расселялись, чтобы структура расселения приобрела случайный вид. «Полученная картина неплохо соответствовала реальному распределению семей по наделам, каким оно представляется по данным средневековых инвентарей (около 7 человек на “дым”), — пишет белорусский историк. — Из 900 моделируемых наделов порядка 25-30% постоянно оказывались незаселенными (пустошами), на каждый из оставшихся приходилось в разных поколениях от 1,2 до 1,75 малых семей (т.е. от 6 до 8 человек), в наиболее усредненном случае — 1,4 семья (7 человек)». И вот теперь, начиная с 11-го поколения, когда на 643 наделах трудилось 928 семей, В. Носевич начинал следить за последствиями применения 85-й статьи «Русской правды».

Поведение модели В. Носевича можно описать при помощи таблицы.

Таким образом, при сделанных в модели В. Носевича допущениях, в разряд княжеской собственности за 6 поколений действия 85-й статьи «Русской правды» (поскольку время жизни одного поколения составляет лет 25–30, то речь идет о 150–180 годах, т.е. примерно к 1300 г.) должно было перейти до 90% крестьянских аллодов, а за 12 поколений (к концу XV в.) — до 99%.

**Результаты имитационного моделирования развития
крестьянского землевладения**

Поколения	Доля вымерших фамилий, %	Доля наделов, на которых ни разу не прервалась цепочка наследственной преемственности
1-е (11-е от «заселения»)	18,82	
6-е (16-е от «заселения»)	67,50	9,94% от обитаемых в тот момент 661 наделов (или 10,1 % от 643 исходных)
12-е (22-е от «заселения»)	78,69	Около 1%

В. Носевич, используя терминологию концепции «феодализм на Руси», делает вывод: введение в действие 85-й статьи «Русской правды» «само по себе было достаточным условием для практически полной феодализации за определенный отрезок времени (порядка нескольких веков)».

Этот вывод может показаться натяжкой — ведь выморочная земля смерда переходит не к феодалу (боярину или дружиннику), а к князю. Конечно, князь будет использовать эту землю для пожалований своим боярам/дружинникам. Но не будет ли он аналогичным образом присваивать и их выморочные земли, сохраняя большой фонд государственных земель? Если князь присваивает *все* выморочные земли, то «окняжение» земель смердов вовсе не приводило бы к росту частновладельческих земель.

Однако предложенная В. Носевичем интерпретация для эпохи Киевской Руси имеет основания. В той же «Русской правде» была статья 86-я «О заднице боярской и о дружине»: «Аже в боярехъ любо в дружине, то за князя задница не вдеть, но оже не будеть сыновъ, а дчери возмутъ». Таким образом, выморочное имущество боярина или дружинника отходило только его потомкам — все равно, сыновьям или дочерям. Следовательно, если древнерусский князь жаловал боярину или дружиннику земли, то они должны были навсегда остаться частновладельческими.

Во времена Московской Руси эта правовая норма была радикально переосмыслена. Для давления на вотчинников в 1562 г. Иваном Грозным был принят указ, согласно которому запре-

щалась продажа родовых княжеских вотчин, а при отсутствии прямого наследника вотчины отбирались в казну. Этим указом запускался механизм постепенной конфискации вотчинных земель, аналогичный механизму «окняжения» земель по закону о «смердѣй заднице» — бояре Московии оказались в той же ситуации, как и смерды Киевской Руси. Более того, «национализация» вотчин могла пойти еще быстрее, поскольку самодержавный царь Московии, свободно распоряжаясь жизнью и смертью своих бояр, имел право насильно заточить попавшего в опалу боярина в монастырь, запретить ему жениться, да и просто убить. Поэтому если бы этот указ последовательно проводился, то «раз-вотчинивание» можно было бы в основном завершить примерно за 2–3 поколения — менее чем за столетие.

Процесс «выморочной национализации» вотчин шел, видимо, довольно активно. Известно, что если в 1540-е гг. в центральных уездах вотчины и поместья были примерно равными частями, то к началу XVII в. поместья составляли уже более 60% земель.

Впрочем, Смута начала XVII в. показала, что курс на «раз-вотчинивание» (своего рода «раскулачивание») чреват негативными последствиями. Хотя вотчины отличались от поместий скорее количественно, чем качественно, но и этих отличий было достаточно, чтобы, по словам советских клиометриков, «вотчинный тип феодальной собственности по всем факторам, на разных классах показателей, отличался более оптимальными характеристиками, чем тип поместного феодального землевладения»². Имея несколько более веские основания рассматривать имение как свою собственность, которую можно будет оставить в наследство детям, владельцы вотчин лучше заботились о своих крестьянах, чем владельцы поместий.

После Смуты Романовы начали своеобразную «денационализацию», щедро разрешая переводить помещичьи владения в вотчинные. К концу XVII в. доля помещичьего землевладения сократилась до 40%³. Если ранее вотчины сближались с поместьем, то теперь, наоборот, поместья стали сближаться с вотчинами. В частности, уже при Михаиле Романове был узаконен переход имения в род помещика, умершего бездетным, — мероприятие, диаметрально противоположное указу 1562 г.

Примечания

¹ Носевич В.Л. Компьютерная модель «окняжения» земель в Древней Руси // Информационный бюллетень Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях и Ассоциации «История и компьютер». № 8. Март 1993. С. 39–43 (<http://vn.belinter.net/model/2.html>).

² Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер и методы исследования. М., 1986. С. 285.

³ Данные о соотношении вотчинного и помещичьего землевладения см.: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России XVI в. М., 1960. С. 76–78; Собственность в России: Средневековье и раннее новое время. М., 2001. С. 53.